

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев

Нестор-История
Санкт-Петербург
2017

УДК 902
ББК 63.4
Н 45

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту №15-31-10162, не подлежит продаже

Рецензенты:
д. и. н. *С. А. Васильев* (ИИМК РАН)
д. и. н. *И. Л. Тихонов* (СПбГУ)

Н 45 **Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев** : коллективная монография / отв. ред. Л. Б. Вишняцкий. — СПб.: Нестор-История, 2017. — 312 с.

ISBN 978-5-4469-1268-1

В коллективной монографии освещаются малоизвестные страницы истории археологического изучения Крыма. Книга состоит из 10 глав, посвященных памятникам разных эпох: от раннего палеолита до позднего средневековья. Авторы опирались прежде всего на архивы научных организаций и музеев, на рукописные и фотоматериалы, остававшиеся не востребованными и не учтенными в должной мере. Ряд архивных источников впервые вводится в научный оборот. Издание предназначено для археологов, историков и специалистов в смежных областях науки.

В оформлении обложки использована картина Карло Боссоли «Остатки большой генуэзской крепости в Судак» (1856 г.)

ISBN 978-5-4469-1268-1

9 785446 912681

УДК 902
ББК 63.4

© Коллектив авторов, 2017
© Издательство «Нестор-История», 2017

Глава 2

Неопубликованная статья Г. А. Бонч-Осмоловского 1928 года: «По поводу датировки грота Киик-Коба»

Резюме. В главе впервые публикуется текст статьи, написанной Г. А. Бонч-Осмоловским в конце 1928 года и посвященной спорным вопросам интерпретации и датирования материалов грота Киик-Коба. В контексте истории отечественного палеолитоведения (и даже в контексте современной науки о палеолите) эта небольшая, но в ряде отношений провидческая

работа представляется чрезвычайно важной. В комментарии публикатора дается анализ исторического контекста и рассказывается о биографических обстоятельствах, в которых создавалась статья.

Ключевые слова: Г. А. Бонч-Осмоловский, Крым, грот Киик-Коба, палеолит, хронология, периодизация.

Введение

Настоящая работа продолжает собой серию публикаций документов из личного архива Глеба Анатольевича Бонч-Осмоловского, с комментариями и анализом исторического контекста. Речь идет исключительно о документах, которые остались в семье ученого, не будучи переданы в государственные хранилища. Такая работа была начата мною еще в начале 2000-х гг., но до сих пор в центре внимания оставались мемуарные, дневниковые и эпистолярные материалы к биографии Г. А. Бонч-Осмоловского (Платонова 2002; 2005; 2016; Бонч-Осмоловская 2010). Сейчас мы обращаемся к его научному наследию — неопубликованной статье, написанной в конце 1928 года на основе материалов грота Киик-Коба. В контексте истории отечественного палеолитоведения (и даже в контексте современной науки о палеолите) эта небольшая работа представляется важной.

Детальная характеристика современной ситуации с материалами личных фондов Г. А. Бонч-Осмоловского в архивах ИИМК РАН и РЭМ была дана мною в последней публикации (Платонова 2016: 95–97). Их обработка затянулась на неопределенное время, и сейчас, в силу действующих норм российского законодательства, они оказываются недоступными не только для исследовательской работы, но и для ссылок. Единственным собранием, открытым ныне для изучения и публикации, является семейный архив, в котором, помимо разнообразных материалов к биографии ученого, имеются отдельные черновики и машинописные копии его неопубликованных научных работ. Эти копии были сделаны в 1940–1960-х гг. вдовой Глеба Анатольевича Надеждой Викторовной Тагеевой, готовившей указанные материалы к передаче в архивы. Многие совершенно «нечитаемые» черновики своего мужа способна была разобрать только она.

Исходный текст публикуемой статьи «По поводу датировки грота Киик-Коба», хранящийся в семейном собрании, представляет собой машинопись (12 страниц) с мелкими карандашными и чернильными поправками Н. В. Тагеевой. Перепечатка производилась ею с рукописи, вчерне законченной, но явно не до конца отредактированной автором и в одном случае сохранившей два возможных варианта текста. По-видимому, в рукописи имелась дата — декабрь 1928 г. Сама рукопись, с приложением перепечатки, находится сейчас в архиве ИИМК РАН. Машинописный вариант имеет следующую шапку:

По поводу датировки грота Киик-Коба

(и дополнения к этой статье)

Г. А. Бонч-Осмоловский

(XII — 1928 г.)

Как можно предположить, «дополнения» подразумевают выявленный Н. В. Тагеевой в черновиках второй вариант одного из фрагментов статьи, вставленный ею в машинописный текст с соответствующей пометкой, а также вписанные ею ссылки на предыдущую работу «К вопросу об эволюции древне-палеолитических индустрий» (Бонч-Осмоловский 1928).

Текст публикуется нами полностью, без изменений. Редакторская правка выразилась исключительно в расстановке пунктуации. Мелкие вставки, обусловленные неясностью отдельных мест в тексте, даны в квадратных скобках.

По поводу датировки грота Киик-Коба

Грот Киик-Коба в Крыму с открытыми в нем двумя древнепалеолитическими культурами и неандертальским погребением, имеющими большое значение в вопросе происхождения и эволюции восточно-европейского палеолита, привлек к себе вполне заслуженное внимание.

В течение последнего года напечатано три статьи, касающиеся определения древности его культур. Две из них принадлежат перу П. П. Ефименко (1; 2) (Ефименко 1927; 1928), третья — В. А. Городцову (3) (Городцов 1928). Выводы обоих авторов значительно расходятся между собой и не согласуются с предлагаемыми мною датировками этих культур (4) (Бонч-Осмоловский 1928). В первой из своих статей П. П. Ефименко относит индустрии нижнего очага к одной из стадий ашельской эпохи, верхний же очаг — к началу мустьерской. Во второй статье он более определенно высказывается и относительно нижнего очага, отводя ему место в конце ашеля. В. А. Городцов обе индустрии не разделяет между собой, считая их однотипными, и датирует их концом мустье.

Прежде чем проанализировать приведенные им доводы, необходимо установить, что понимаем мы под датировкой палеоэтнологической культуры? В статье, напечатанной в этой же книге, я указываю на опасность смешения датировки культур, обозначающих палеоэтнологические стадии, с геологическими подразделениями (Бонч-Осмоловский 1928: 148–149). Если подобное смешение до некоторой степени допустимо по отношению к одному району, хотя и в этом случае оно далеко опережает современное состояние научного знания, то по отношению к отдаленным и мало исследованным районам оно ничем не может быть оправдано.

Ведь до сих пор точно не установлено, к какому из межледниковых периодов относятся шелльская и ашельская эпохи. И, соответственно с этим, неопределенно положение мустьерской и позднепалеолитической стадий.

Еще дальше мы отстоим от разрешения вопроса о синхроничности сходных культур, находящихся в различных географических районах. Здесь мы можем только высказывать предположения, имеющие весьма отвлеченный характер.

Исходя из этих соображений, я считаю необходимым строго разграничить культурно-хронологическую и геологическую датировку, причем палеознотологические термины должны употребляться только в первом, основном своем значении.

По-видимому, различное содержание, вкладываемое в понятие датировки, и послужило основной причиной наших разногласий с Ефименко, т. к. с палеознотологической точки зрения наши взгляды на киик-кобинские культуры очень близки. Так, индустрию нижнего слоя он характеризует, как «чрезвычайно примитивную», удержавшую «почти эолитические приемы обработки кремня» (Ефименко 1928: 49–50), что вполне согласуется с моим отнесением ее к «аморфной культуре», аналогичной в техническом отношении дошелльской и являющейся начальной стадией восточного палеолита. Отсутствие же данных о последовательных сменах четвертичной фауны в Крыму заставляет меня отказаться от хронологической увязки этой культуры с геологическими факторами и с соответствующими западноевропейскими стадиями.

Ефименко же пытается на основании отрывочных фаунистических сведений разрешить и этот весьма важный вопрос, причем палеознотологическая терминология принимает у него явно геологический оттенок. Так, нижний слой грота Киик-Коба он, «судя по остаткам животных», относит к «довольно поздней поре» ашельской эпохи. Фауна этого горизонта имеет, по его словам, «в общем облик фауны средне ледниковой поры», под которой автор, по-видимому, понимает один из ледниковых периодов (Там же: 49).

Но почему в таком случае пять перечисленных им видов (гигантский и благородный олени, дикая лошадь, бизон и антилопа-сайга), довольно безразличных с климатической точки зрения, могут послужить для столь точного определения времени, как «поздняя пора ашельской эпохи»?

Эти виды встречаются почти во всех ледниковых и межледниковых отложениях четвертичного периода и не являются характерными для какого-либо из них. Еще в Западной Европе антилопа-сайга, появляющаяся в большом количестве вместе с солютрейской индустрией, может служить указанием на одно из последних отступлений ледника, но в Крыму, где элементы степного ландшафта могли существовать и в более поздние эпохи, и этот представитель степи не является характерным для какого-либо климатического периода.

Ефименко, по-видимому, и сам чувствует недостаточность этого довода, насколько позже он пишет: «Поздне-ашельский возраст нижнего горизонта пещеры Киик-Коба по целому ряду соображений устанавливается довольно твердо характером находок верхнего горизонта...» (Там же). К сожалению, он не указывает в дальнейшем, в чем состоит этот ряд соображений. Но мне представляется, что характер находок более поздней культуры может выявлять только верхний предел датировки, насколько не влияя на ее уточнение.

Относительно верхней индустрии Ефименко говорит следующим образом: «Вместе с польским ученым Козловским, помещающим стоянки Окенник и Пекари к концу ашельской эпохи, мы склоняемся отнести верхний горизонт

Киик-Кобы к эпохе, которая, исходя из типологии орудий, находится между аше́лем и мустье» (Ефименко 1927: 299). Отсюда как будто следует, что автор считает киик-кобинскую культуру несколько более поздней, чем аналогичные польские находки. Это определение вполне соответствует моему, согласно которому верхний очаг находится в конце стадии орудий с двухсторонней обработкой или, иначе говоря, в самом конце аше́ля.

Но здесь у Ефименко опять выплывают соображения геолого-хронологического порядка: было бы «преждевременным и не целесообразным», говорит он, «давать для крымской находки, как и для польских, точную синхронизацию с западноевропейской, вернее, французской группой находок позднеашельской эпохи». И на этом основании он ее синхронизирует с ранним мустье: «Присутствие здесь ручного рубила несколько не говорит против того, что эта культура по своему времени (что-до своего часу) будет принадлежать к среднему палеолиту в его ранней фазе» (Там же: 299–300). Остается непонятным: почему синхронизация с поздним аше́лем «преждевременна и нецелесообразна», а с ранним мустье вполне допустима? Тем более что эти два момента с геологической точки зрения сливаются воедино, и ни палеозоология, ни стратиграфия не дают указаний на их разграничение.

С моей точки зрения, значительно целесообразнее вообще отказаться в настоящий момент, впредь до накопления новых данных, от попыток синхронизации и ограничиться только индустриальным сравнением крымских находок. Тогда присутствие довольно значительного количества обработанных с двух сторон остроконечников (ручных рубил) сыграет решающую роль в датировке верхнего очага.

Совершенно другой характер имеет датировка, предлагаемая В. А. Городцовым. Прежде всего, он совершил недопустимую ошибку, излагая мои соображения; он пишет о нижнем очаге сравнительно с верхним. [Стоянку] Микок, отнесенную Обермайером к концу аше́ля, я сравниваю с нижним аше́лем в индустриальном отношении, не синхронизируя Обермайера.

Затем он стремится доказать, что обе индустрии принадлежат к одной культуре. При этом он основывается на следующих положениях:

- 1) Кремень в обоих очагах не отличается ни по цвету, ни по патине; добыт он «вероятнее всего из одного местонахождения».
- 2) Судя по перечню типа орудий, «ясно, что предметы, как нижнего, так промежуточного и верхнего слоя относятся к одной породе одной и той же эпохи».
- 3) «Заключение исследователя (т. е. мое. — Г. Б.-О.), что кремневые орудия нижнего очажного слоя, будто бы отличаются большей примитивностью форм... также не выдержало проверки... среди представленных образцов оказались и менее тщательно и более тщательно обработанные, независимо от горизонта их залегания...»
- 4) «Сколотая техника всех кремневых орудий указывает на их принадлежность ко времени мустьерской эпохи классификации Мортилье» (Городцов 1928: 36–37).

Автор прав, утверждая, что во всех слоях встречается кремень различных оттенков. Но при изучении всей коллекции (около 1000 орудий) совершенно ясно, что в нижнем слое употреблялся почти исключительно темный кремень, а в верхнем — бурый, полупрозрачный. Происхождение его из одного местонахождения почти невероятно, так как пришлось бы допустить в те времена какой-то отбор

материала по цветности. Разумеется, различия в кремне не доказывают принадлежности слоев к различным культурам, но выявляют отсутствие непосредственной связи между обитателями обоих очагов. Значительные же культурные различия вытекают из индустриальных особенностей обоих комплексов.

Перечисление типов орудий, даваемое Городцовым, весьма неясно и носит вполне предварительный характер. В таком виде эти списки могут произвести, на первый взгляд, впечатление большого сходства. Мне остается только сослаться на более полное перечисление, приводимое мною в т. 1 этого же номера журнала (Бонч-Осмоловский 1928: 175–177).

Примитивность орудий нижнего слоя, проявляющаяся в их бесформенности, грубости ретуши, массивности сколов и даже осколков, настолько очевидна, что остается удивляться, как Городцов может ее отрицать. Ни у одного из специалистов, видевших киик-кобинские находки, она не вызывала ни малейшего сомнения.

По-видимому, все эти пункты возражений Городцова являются простым недоразумением, основанным на недостаточном знакомстве с материалом, который он видел, за исключением небольшой серии в 1924 г., только в процессе раскопок — плохо отмытым и не отделенным от осколков.

Наконец, в четвертом пункте говорится о сколотой технике, которую Городцов приписывает в своей классификации исключительно мустьерской эпохе и которая, по-видимому, служит главным обстоятельством, заставляющим его объединять обе киик-кобинских индустрии. Но не сколотой ли техникой приготовлены также орудия дошелльской и аморфной культур и односторонние формы шелльской и ашельской эпох? В таком случае, сколотые техники существовали в различных степенях своего совершенства в течение чрезвычайно долгого времени и не характеризуют собой какой-либо одной стадии.

Интересно, что автор считает все «представленные для осмотра орудия», в том числе, следовательно, и обработанные с обеих сторон, «сделанными при помощи сколотой техники» (Городцов 1928: 37). Что тогда подразумевает он под «тесанной техникой», остается непонятным. Мне кажется, что до сих пор этот термин применялся им к ручным рубилам, т. е. к орудиям, обработанным с обеих сторон.

Оба объединенные таким образом горизонта грота Киик-Коба Городцов относит к конечной стадии мустьерской эпохи, сравнивая их с французскими стоянками Ля Кина и Абри Оди. Основанием для этого служит, по его мнению, «перенос ретуши на нижнюю плоскость», который совершился только в позднюю пору мезолитической эпохи (Там же: 36).

В гроте Киик-Коба в самом деле имеются, в весьма небольшом числе, орудия с так называемой противоположающей ретушью или с подправкой брюшка, но подобные же формы попадают во всех без исключения культурах древнего палеолита, и утверждение Городцова, что именно они характерны для конца мустье, является совершенно голословным. Особенно странно, что это положение лежит в основе его классификационной системы. Не выдерживает также критики сравнение грота Киик-Коба с Ля Кина и Абри Оди. Все эти стоянки резко отличаются как по типам орудий, так и по заготовкам. В то время как в первой (Киик-Коба) (в верхнем слое) много остроконечников и скребел, во второй — почти исключительно скребла, и, наконец, в третьей — большое количество остроконечников принимает особую асимметричную форму, так называемого типа Абри Оди.

По заготовкам эти различия еще выпуклее. В гроте Киик-Коба главным материалом для изготовления орудий служили сколы, к которым в довольно значительной пропорции присоединялись двухсторонние формы и пластины. В Ля Кина орудия сделаны почти поровну из сколов и пластин, в Абри Оди — из примитивных пластинок. Эти различия никоим образом нельзя игнорировать при оценке относительного возраста указанных стоянок.

Относительно аргументации Ефименко и Городцова, основанной на находках костяных орудий в верхнем очаге грота Киик-Коба, я не считаю возможным говорить, т. к. сведения эти почерпнуты авторами не из напечатанных мною работ и к тому же не вполне соответствуют действительности.

Конец статьи Городцов посвящает доказательствам, что киик-кобинские погребения относятся к верхнему очажному слою, а не к нижнему, как это предполагалось мною. Он аргументирует следующими данными:

- 1) Погребение ребенка не могло быть произведено с поверхности нижнего очага, т. к. мощность последнего в этом месте не превышает 2–3 вершков.
- 2) Разрозненные (мелкие. — Г. Б.-О.) кости взрослого были найдены в верхнем слое.
- 3) В западном конце могильной ямы остатки невынутой засыпки «шли как раз с горизонта верхнего очажного слоя».
- 4) На северном боку ямы «кусочек неудаленной засыпки маскировал часть стенки ямы, несомненно, вырытой с горизонта, лежащего выше нижнего очажного слоя т. к. неудаленная засыпка отчасти маскировала нижний очажный слой» (Городцов 1928: 37–38).

Первое замечание было бы вполне правильным, если бы мы могли допустить, что очажный слой в момент его отложения был такой же мощности, как и в настоящее время. Гораздо вероятнее, что тогда он в несколько раз был толще и только в результате продолжавшегося многие тысячелетия выветривания и выдувания уменьшился до современных размеров. Следовательно, вполне допустимо, что вскоре по образовании слоя, в его толще могла быть вырыта яма, достаточная для погребения ребенка.

Второй его довод ничего не доказывает, т. к. восточная часть погребения была разрушена при рытье ямы, вырытой современником верхнего очага, и естественно, что мелкие кости покойника оказались при этом именно в этом слое. Подобная же яма оказалась и на другом участке грота. Засыпка в западном конце могильной ямы не могла не соединиться с верхним очажным слоем, т. к. здесь благодаря поднятию скалистого дна грота нижний и промежуточный слои отсутствовали, и верхний налегал непосредственно на дно. Наконец, относительно маскировки нижнего очага засыпкой на северном боку ямы могу указать, что в моем распоряжении имеются четыре фотографии, изображающие «засыпку» ямы с этого края в различных стадиях раскопок, которые с неопровержимостью доказывают простираение именно в этой части погребения на большом протяжении обеих темных очажных прослоек, разделенных светлым промежуточным слоем.

Вопрос о принадлежности погребения современнику верхнего или нижнего очага, не имеющий, по мнению автора, значения для определения его относительной древности, с моей точки зрения является чрезвычайно существенным и прорабатывается мною в настоящее время с особой тщательностью. Но аргументы, приводимые В. А. Городцовым, не являются убедительными и нисколько не противоречат предположению о принадлежности погребения к нижнему очагу.

Подобное разногласие объясняется, с одной стороны, некоторой преждевременностью в опубликовании разбираемых статей, совершенном до издания основного матерьяла о гроте Киик-Коба, с другой — современным состоянием палеоэтнологии. Эта наука, ввиду исключительного развития изучения типологии орудий и неправильного толкования связи с геологией, переживает известный кризис, [который] требует пересмотра ее методологии.

В заключение следует остановиться на причинах подобного разногласия в датировке крымского палеолита. Согласно моим предположениям, более древняя индустрия грота Киик-Коба относится к аморфной культуре — начальной стадии восточноевропейского палеолита, более поздняя — к культуре Ля Микок, или, иначе говоря, к концу ашеля.

Подобное противоречие в определении древности крымских находок не может быть объяснено только характером самих индустрий, не вполне укладываемых в рамки современной классификационной системы. Оно указывает, по-видимому, на серьезные (так в оригинале. — Н. П.) методологические расхождения и даже на различное содержание, вкладываемое авторами в само понятие датировки. Принципиальная важность этого вопроса для русской палеоэтнологии заставляет меня подробно остановиться на характере и объеме датировки палеоэтнологической культуры.

В основу моей датировки палеоэтнологических находок положены следующие соображения о характере и объеме датировки палеоэтнологической культуры. В настоящее время мы часто встречаемся с фактом смешения датировок — палеоэтнологической и геологической.

Под первой я понимаю определение культурно-хронологического возраста данной стоянки; под второй — выяснение ее хронологического соотношения с геологическими факторами (и установление этим путем ее одновременности с соответствующими культурами других районов). Подобное смешение приводит к приданию терминам, обозначающим палеоэтнологические стадии, значения геологических подразделений.

В последнее время мы встречаемся даже с чисто геологическим, не связанным с палеоэтнологическими данными, толкованием этих подразделений. Причины этого лежат в путях развития палеоэтнологии. Ее возникновение теснейшим образом связано с палеонтологическими данными, и одна из первых классификаций была основана на ископаемых животных. Дальнейшее развитие этой науки протекало вплоть до последнего времени почти исключительно на французском материале, представлявшем сравнительно небольшую и единообразную географическую область.

Естественным следствием было предположение об одновременности сходных ископаемых комплексов, проявившееся в практическом неразделении методов датировок. Но по мере распространения палеоэтнологических исследований на удаленные области, новые данные нарушают стройность этой, несколько упрощенной, системы.

Распространение выработанных на французском материале методов на другие районы приводит к таким явлениям, как отнесение Крапины то к шеллю (на основании фауны), то к мустье (на основании индустрий). Тот же характер имеет датировка Р. Шмидтом стоянки Эрингсдорфа; индустрия здесь носит явно мустьерский характер, но на основании фаунистических остатков эту стоянку относят к ашелю.

Открытие холодного шелля, теплого мустье и даже теплого ориньяка (Кастильо), в связи с появлением некоторых, не укладывающихся в классификационные схемы, индустрий и усложнением вопроса о числе и характере четвертичных оледенений, заставляет более осторожно относиться к предположениям о связанности палеоэтнологических комплексов с определенными биологическими или геологическими факторами.

Единственным выходом из этих противоречий является строгое разграничение определения культурно-хронологического и геологического возраста стоянки. Исходным пунктом для первого служит индустрия и антропологические остатки, последовательные смены которых дают в настоящее время критерии, достаточные для выяснения ее относительного возраста. Материалом для суждения о геологическом возрасте являются данные палеозоологии, палеоботаники и стратиграфии, освещающие в своей совокупности экологические условия данной стоянки.

Логическим выводом отсюда является признание за терминами, обозначающими палеоэтнологические эпохи, исключительно культурно-хронологического значения — они должны обозначать только стадии культуры, без всякого элемента геологической хронологии. Явления четвертичного времени имеют свою, геологически выработанную терминологию, и присоединение к ним палеоэтнологических терминов только излишне затемняет общую картину.

Два рода этих явлений, к которым в будущем, при уточнении знаний, прибавится третий, с показаниями абсолютной хронологии, могут совпадать во всех или в отдельных своих элементах, но это несколько не отразится на методологической правильности подхода. В отдельных случаях, нарушая искусственную стройность существующих схем, он, этот подход, фиксируя внимание на нерешенных моментах, поможет поставить во всей широте проблему смен палеоэтнологических и геологических факторов и выяснит их действительные взаимоотношения.

С этой точки зрения я и подошел к определению возраста киик-кобинских находок. Отсутствие геологических показаний в пещерных отложениях и полная невыясненность в то время последовательных смен четвертичной фауны, в связи с вполне допустимым своеобразием сочетаний ее компонентов, заставили меня совершенно отказаться от каких-либо хронологических сопоставлений.

Это привело к необходимости обосновывать датировку крымских стоянок исключительно палеоэтнологическими данными. Но накопление материала и здесь повело к усложнению вопроса. Все в большем числе выявлявшиеся, по мере вовлечения в круг исследования новых областей, комплексы, лишенные типичных форм индустрий, с трудом укладывались в классификационные схемы, которые строились на отдельных типах орудий.

В то же время основные этапы развития индустрий не подвергались сомнениям. Смена древнего палеолита новым с промежуточной мустьерской стадией находит почти повсеместное подтверждение. В связи с этим возник вопрос о разделении индустриальных серий на элементы общеэволюционного значения (если такие окажутся) и элементы фациального (районного), племенного или, быть может, даже индивидуального порядка.

Оперирование с отдельными типами орудий или с редко употреблявшимися приемами может приводить к субъективным, не исключающим элемента случайности, заключениям. При изучении древних культур вопрос осложняется отсутствием достоверных показаний об употреблении и назначении отдель-

ных типов орудий, заставившим рассматривать их с узкой, формально-морфологической точки зрения.

К вопросу о подобном разграничении индустриальных признаков мне пришлось подойти при обработке иностранных коллекций, предпринятой в связи с датировкой грота Киик-Коба. В статье, посвященной этой работе, я отмечаю, что, на основании исследования, основанного на статистическом методе (Бонч-Осмоловский 1928), можно заключить, что, по-видимому, основным путем эволюции индустрии являлись приемы раскалывания кремня, изменения которых отражались на форме заготовок. При этом, в противоположность Городцову, я совершенно не оперировал с неизвестными для нас приемами раскалывания, а опирался исключительно на морфологические отличия наиболее распространенных типов заготовок и их последовательные смены. Приемы же ретуширования орудий и их форма не выявляют, согласно моим данным, с достаточной определенностью отдельных этапов этого развития.

С этой точки зрения, высказанные мною предположения о культурно-хронологическом возрасте киик-кобинских индустрий получают объективные, статистически подкрепленные обоснования. Таким образом, мои соображения об объеме и характере датировки палеоэтнологических культур сводятся к следующим положениям:

- 1) Необходимо строго разграничить определение культурно-хронологического и геологического возраста, смешение которых приводит к методологически ошибочным построениям.
- 2) В пределах одного ограниченного района, в котором достаточно выяснены последовательные смены физико-географических явлений, допустимо подтверждение данных палеоэтнологии факторами геологического порядка.
- 3) Термины, обозначающие общекультурные стадии (шелль, ашель и т. д.), должны быть лишены того геолого-хронологического значения, которое им часто придается в настоящее время. Так как понятие «культура» применяется преимущественно к комплексам фациального характера, за ними может сохраниться обозначение «эпоха», но только в культурно-хронологическом, вернее, индустриальном, смысле этого слова. Быть может, более правильным было бы применение в этом случае термина «стадия».
- 4) При определении культурно-хронологического возраста данной стоянки следует базироваться на индустриальных признаках, эволюционное значение которых объективно установлено. Отдельные технические детали и варьирующие в количественном отношении типы орудий не могут служить достаточным основанием для палеоэтнологических параллелей. Различное содержание, вкладываемое в понятие датировки, и явилось основной причиной разногласий в определении древности грота Киик-Коба.

Обсуждение

Статья была написана Г. А. Бонч-Осмоловским в конце 1928 г. — последнего сравнительно благополучного года его жизни, когда он еще мог рассчитывать как на стабильное продолжение своих работ, так и на возможность беспрепятственно излагать свои идеи, без оглядки на цензуру и самоцензуру.

По содержанию статья представляет собой весьма оперативную реакцию на публикации П. П. Ефименко и В. А. Городцова, затронувшие проблему хронологии и соотношения между собой двух палеолитических слоев грота Киик-Коба. Явно задетый критикой своих положений, автор, видимо, рассчитывал опубликовать ответ оппонентам в последнем номере журнала «Человек» за 1928 год. Разумеется, ему было известно, что выход журнала задерживался, но он не мог знать, что в 1929 г. номера 2–4 будут наскоро объединены в один, который и станет, увы, последним.

Таким образом, в литературе тех лет назревала интересная дискуссия по такой важной проблеме палеолитоведения, как вопрос о соотношении геологического и культурно-исторического возраста (говоря современным языком — культурной периодизации и хронологии, построенной на естественнонаучных данных). Вопрос о соотношении того и другого с абсолютной хронологией также затрагивается Г. А. Бонч-Осмоловским в статье, однако его разработку он считал делом будущего.

Указанные ключевые проблемы уже были обозначены им в предыдущей публикации (Бонч-Осмоловский 1928: 148–149). Автор четко разделил там понятия «стадия культуры» и «геологическая эпоха» и специально оговорил, что его выводы касаются только *культурной хронологии* памятника. Но статья еще не успела выйти в свет, как появились целых три печатных работы, авторы которых рассуждают о Киик-Кобе без учета указанной оговорки. Это и имеет в виду автор, говоря о «некоторой преждевременности в опубликовании разбираемых статей». В своем ответе оппонентам он переводит обсуждение на новый уровень осмысления проблемы соотношения геологической и культурной периодизации. Пожалуй, эта важная проблема на тот момент еще никогда не формулировалась в мировой науке так отчетливо, как в публикуемом нами тексте. Причины создавшегося положения были ясны автору уже тогда:

«...развитие... [палеоэтнологии] протекало вплоть до последнего времени почти исключительно на французском материале, представлявшем сравнительно небольшую и единообразную географическую область. Естественным следствием было предположение об одновременности сходных ископаемых комплексов, проявившееся в практическом неразделении методов датировок. Но по мере распространения палеоэтнологических исследований на удаленные области, новые данные нарушают стройность этой, несколько упрощенной, системы...»

Четкая формулировка Г. А. Бонч-Осмоловским своей позиции помогает нам уяснить природу предлагавшихся им «древних» датировок Киик-Кобы. Разумеется, глубокая древность даже «верхнего очага», который он связывал с микокской традицией, казалась ему вполне вероятной. Микок трактовался тогда, как восточная фация ашеля (Там же). Однако исследователь подчеркивал: приведенные им культурно-хронологические выкладки отнюдь не равнозначны ни геологической, ни, тем более, абсолютной датировке памятника. Разумеется, он не мог предвидеть, что последующие исследования установят факт «сверхпозднего» переживания среднего палеолита на территории Крыма. Но, в отличие от своих оппонентов, он уже в 1920-х гг. понимал различие между археологической периодизацией и хронологией как таковой:

«По-видимому, различное содержание, вкладываемое в понятие датировки, и послужило основной причиной наших разногласий с Ефименко... Отсутствие... данных о последовательных сменах четвертичной фауны в Крыму заставляет меня

отказаться от хронологической увязки этой культуры [нижнего слоя Киик-Коба. — Н. П.] с геологическими факторами и с соответствующими западноевропейскими стадиями. Ефименко же пытается, на основании отрывочных фаунистических сведений, разрешить и этот весьма важный вопрос, причем палеоэтнологическая терминология принимает у него явный геологический оттенок...»

В настоящий момент даже трудно представить, что все это говорилось и писалось 90 лет назад. Настолько актуальной выглядит описанная постановка проблемы и в наши дни. Синхронизация хронологических шкал отдаленных регионов, соотношение культурной периодизации и, собственно, хронологии относятся сейчас к числу наиболее обсуждаемых аспектов исследования в современной науке о палеолите (см.: Аникович и др. 2007: 11–16).

Увы, на рубеже 1920–1930-х гг. подобная дискуссия не могла развернуться. Статья Г. А. Бонч-Осмоловского так и осталась лежать в столе. Требования во всем следовать одной, «единственно верной» теории резко активизировались в эпоху «Великого перелома» (то есть со второй половины 1929 г.) и приняли директивный характер. Их отражением в науке стало недопущение различных подходов к оценке одних и тех же явлений. В 1930-х гг. вырабатывается универсальная, единая стадияльная схема палеолита. В ней не находится места ни «фациальным признакам», отражающим «географические и племенные культурные особенности», ни четкому различению хронологии и периодизации. Этот последний вопрос оказался безнадежно запутан в советском палеолитоведении лет на 30 — вплоть до предложений датировать литологические пласты по характеру археологических находок. Положение стало выправляться только в 1950–1960-х гг.

Из трех публикаций, выход которых едва не инициировал пионерное обсуждение указанной проблемы в археологической литературе СССР, «на слуху» у сегодняшних специалистов осталась только одна — в силу своего обобщающего характера (Ефименко 1928). Две других статьи ныне прочно забыты (Ефименко 1927; Городцов 1928). По крайней мере, мне не удалось найти на них никаких ссылок — кроме, разумеется, ссылки в итоговой публикации киик-кобинских материалов (Бонч-Осмоловский 1940). Только уникальная археологическая библиотека ИИМК РАН с ее библиографическими указателями и каталогами позволила быстро разыскать работы, с которыми спорил в 1928 г. Г. А. Бонч-Осмоловский.

Исторический контекст

Публикуемая нами статья стала одним из результатов творческого подъема, пережитого Г. А. Бонч-Осмоловским, в связи с возможностью в 1926 г. объехать (хотя и в очень быстром темпе) многие европейские музеи, изучить европейские коллекции, продемонстрировать свой материал и обменяться мнениями с ведущими исследователями палеолита. В 1927 г. ученый подготавливает по результатам этой поездки большую статью («К вопросу об эволюции древне-палеолитических индустрий»). Ее французский перевод он тут же посылает в Париж — Анри Брейлю, который очень доброжелательно общался с ним за год до того.

Ответ был вскоре получен:

«...Вы очень хорошо использовали Ваше слишком короткое пребывание у нас... Основной наш метод довольно хорош, но в нем есть серьезные недостатки, из-за которых некоторые важные моменты не могли получить объяснения...

Например, мне кажется, он не дал возможности понять леваллуа-мустьерскую технику раскальвания... Вопрос о технике раскальвания, который претерпевает революцию, является первоочередным.

...Если бы Вы захотели дать в L'Anthropologie заметку о Киик-Коба и др. в размере листа, она там была бы очень хорошо принята...» (Архив автора).

Звучало очень мило, но о дальнейшей судьбе французского варианта уже отосланной рукописи не говорилось ни слова. Между тем можно предположить: организуя ее пересылку, Г. А. Бонч-Осмоловский все-таки рассчитывал на другое. Но смысл был ясен: ему вежливо предлагали присылать описания конкретных памятников, а более высокими материями — методами и обобщениями — французы займутся сами. Инновационный характер статьи, о которой впоследствии было сказано: автор опередил свое время лет на 20 (см: Васильев 1994: 206), в действительности, не был оценен современниками и за границей. Судьба манускрипта неизвестна. Возможно, пропал или осел во Франции — в архиве...

Однако будущее все равно казалось обнадеживающим. Полевые исследования в Крыму продолжались полным ходом. Русский вариант текста был принят к публикации в журнале «Человек». И вот в декабре 1928 г. из-под пера Г. А. Бонч-Осмоловского выходит новая статья — и опять не «конкретная», а теоретическая, намечающая принципиально новые пути в исследовании палеолита.

Вся система понятий, пронизывающая этот текст, вся его проблематика и идейная подоснова принадлежали безвозвратно уходящему периоду 1920-х годов — «палеоэтнология», «палеоэтнологическая культура», «культурно-хронологический и геологический возраст», «географические и племенные культурные особенности», «общезволюционные и фациальные признаки» и т. д. Уже со второй половины 1929 г. вопрос об ее публикации просто не мог быть поднят. В апреле этого года на Совещании этнографов Ленинграда и Москвы этнология была объявлена «буржуазным суррогатом общественного сознания, поставленным на голову» (Совещание этнографов... 1929: 116). В октябре 1929 г. уже палеоэтнологию окрестили «суррогатом в квадрате» буржуазной социологии (Арциховский 1929).

На географическом факультете ЛГУ, где преподавал тогда Г. А. Бонч-Осмоловский, после постановлений Совещания этнографов начался откровенный разброд — судорожный пересмотр учебных предметов и программ. Одновременно разгоралась война «классово ориентированного» студенчества с «чуждыми элементами» в своей и преподавательской среде. Внутри самой научной корпорации тоже пошла подковерная борьба. Как положено на «переломках» — первой ломалась совесть... В середине 1929 г. Г. А. Бонч-Осмоловского увольняют из университета: он «не был пропущен университетскими органами... по линии общественной...» (показания Б. Н. Вишневого комиссии Локального бюро СНР 18.03.1930) (РА ИИМК РАН, ф. 2, оп. 3, д. 76, л. 12).

Тогда же закрутилось клеветническое, инспирированное недоброжелателями «дело Бонч-Осмоловского», ставшее реакцией на попытки ученого защитить коллег (см.: Севастьянов 2013). В конце 1929 г. именно это «дело» стало главным препятствием для официального поступления Г. А. на службу в Четвертичную комиссию Академии наук (где он фактически работал уже больше двух лет без оклада). Психологический контекст создавшейся ситуации лучше всего передают выразительные (хотя неимоверно пристрастные!) записи в дневнике Ольги Георгиевны Бонч-Осмоловской:

«9 февраля 1930 года.

...С тех пор, как вышибли Глеба из Университета (с весны), он получает только 80 рублей, а проживаем мы 350. Выручают книги отца, но жить этой милостыней тяжко... Вот уже сколько лет Глеб не может стать на ноги на своей научной дороге...

Долгие годы Глеба затирали Руденко и другие в академической среде за левизну его взглядов, за откровенные высказывания, за самостоятельность научной мысли. Пришло другое время. Вместе с чисткой академических зубров полетел и он. Негодились и здесь ему левые взгляды, не поддержали студенты.

На командные посты вылезли просто мерзавцы, карьеристы, „липовые марксисты“. В чистке, шпионстве, сборе сплетен — во всей новой системе перестройкигодились именно те, у кого нет убеждений и кто ничем не брезгует... Было задушено много людей — никто не попробовал защищаться. Глеб ринулся и за себя, и за других, и в начале зимы еще был пафос, вера в успех честной войны, вера в добрых коммунистов, до коих он, наконец, дошел и все рассказал. Теперь же настала прострация...

18 марта 1930 года.

...Одна из 1001 сказок, творимых ежечасно легенд о человеческой низости и глупости. Такова история Глеба. Из-за подлости одного карьериста, паршивой комсомолки, из-за дурашливой студенческой заметки, двух-трех глупейших сплетен (1-я — в Университете на занятиях лежал на диване, 2-я — в экспедиции была сотрудница, имевшая икону...), из-за этой неслыханной дряни [он] вот уже полгода бьется за реабилитацию себя, за утверждение в Академии наук. И сейчас комиссия в составе Марра и других генералов от науки и коммунизма копается днями в грязи этих доносов, выясняя его общественную физиономию...

23 марта 1930 года.

...Слова одного коммуниста на заседании конференции: „Жизнь, как в осажденной крепости: день за месяц, день за год“.

...У Глеба конфиденциальные сведения: его показания произвели исключительно хорошее впечатление на комиссию — убежденностью в правоте, спокойствием, выдержкой. Те же — по словам Орбели — сволочи. Мнение комиссии ясно...» (Архив автора).

Да, в этот раз страшная сказка имела неожиданно счастливый конец. Но, конечно, тексты, подобные написанному в декабре 1928 г., в создавшихся условиях были обречены лежать без движения.

Послесловие, или 10 лет спустя

Г. А. Бонч-Осмоловский должен был вернуться к проблеме относительной хронологии памятника и к своей собственной давней дискуссии с П. П. Ефименко и В. А. Городцовым через 10 лет, в ходе подготовки первой монографии о Киик-Кобе (Бонч-Осмоловский 1940). Книга писалась, преимущественно, «за 101-м километром», после трехлетней отсидки автора в лагерях.

В этот период ученый был вынужден проявлять сугубую осторожность в водах, следовать общей схеме, не претендуя на то, чтобы внести в нее серьезные методологические инновации. Поэтому в книге его позиция выглядит куда менее гибкой, чем в ранних работах. Однако и здесь Г. А. Бонч-Осмоловский отделяет «геологическую» датировку от «археологической» замечая, что последняя представляет для Киик-Коба «значительные трудности» (Там же: 151).

Причины этих трудностей коренятся, по его словам, «в общем кризисе, переживаемом сейчас буржуазной археологией». Однако и в советской археологической литературе, с его точки зрения, до сих пор нет общей работы, которая исчерпывающим образом осветила бы проблему. «...Я не считаю возможным, — заявляет автор, — в условиях настоящей монографии вновь возвращаться к этому вопросу, тем более, что как раз в связи с Киик-Коба я писал об этом еще в 1927 г. и в последующие годы. Напомню только, что и сейчас, как тогда, наука, накопившая огромный фактический материал... находится в тупике... Киик-кобинские находки, не укладывающиеся со всеми аналогичными комплексами в рамки общепризнанной классификации, оказываются в трудном положении. Их датировка зависит от разрешения основных, общих вопросов первобытной истории, от создания новой периодизации палеолита... (курсив мой. — Н. П.)» (Там же).

Где же тут отказ от прежних взглядов? Скорее, имеет место прямая отсылка к собственным работам конца 1920-х гг. и принципиально та же, в основе своей, постановка проблемы. Мысль Г. А. до последнего работала нестандартно, выбиваясь из навязанных ей эпохой идеологических рамок. Конечно, в конце 1930-х гг. от ученого категорически требовалось соблюдать в публикациях определенные «правила игры». Этим и объясняются мелькающие в тексте стереотипные фигуры, вроде «кризиса буржуазной науки», «археологического фронта» и т. д. Однако на конечный вывод они не повлияли: «марксистская» советская наука в данном вопросе оказывается, по Бонч-Осмоловскому, в таком же «тупике», как и западная — при всех своих частных достижениях.

Литература

- Аникович М. В., Анисюткин Н. К., Вишняцкий Л. Б. 2007. Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии. СПб.: Нестор-История.
- Арциховский А. В. 1929. Новые методы в археологии. Доклад А. Арциховского (заслушан 11.10.1929 в социологической секции общества историков-марксистов). Краткое изложение доклада и дискуссии // Вестник Коммунистической академии 35–36, 322–325.
- Бонч-Осмоловская О. Г. 2010. «Документ эпохи редкостный...» / Подг. текста, ред., вступ. ст. и комм. Н. И. Платоновой // Кирпичников А. Н. (ред.). Культурное наследие Российского государства. Вып. 5, ч. 2. СПб.: Вести, 269–288.
- Бонч-Осмоловский Г. А. 1928. К вопросу об эволюции древнепалеолитических индустрий // Человек 2/4, 147–186.
- Бонч-Осмоловский Г. А. 1940. Грот Киик-Коба. Палеолит Крыма. Вып. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Васильев С. А. 1994. Г. А. Бонч-Осмоловский и современное палеолитоведение // РА 2, 202–207.
- Герасимова М. М., Астахов С. Н., Величко А. А. 2007. Палеолитический человек, его материальная культура и природная среда обитания. Иллюстрированный каталог палеоантропологических находок. СПб.: Нестор-История.
- Городцов В. А. 1928. К определению древности мезолитической стоянки в пещере Киик-коба // ИТОИАЭ 2 (59), 33–38.
- Ефименко П. П. 1927. Пам'ятки муст'єрської культури на сході Європи // Юбилейний збірник на пошану Д. И. Багалія. Київ: К.: Друкарня Української Академії Наук, 286–301.

- Ефименко П. П.* 1928. Некоторые итоги изучения палеолита СССР // Человек 1, 45–59.
- Платонова Н. И.* 2002. К истории одного открытия в археологии (Г. А. Бонч-Осмоловский и «дело Серебрякова» 1924 г.) // Кирпичников А. Н. (ред.). Культурное наследие Российского государства. Вып. 3. СПб.: Вести, 120–129.
- Платонова Н. И.* 2005. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский: судьба ученого (по страницам семейного архива) // АВ 12, 301–315.
- Платонова Н. И.* 2016. К биографии Г. А. Бонч-Осмоловского: источники и комментарии // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки» 2 (68), № 3, 95–123.
- Севастьянов А. В.* 2013. Ленинградское эхо крымского конфликта: новые подробности научного противостояния Н. И. Репникова и Н. Л. Эрнста на рубеже 20–30 х гг. XX в. // Праці Центру пам'яткознавства 23, 178–205.
- Совещание* этнографов Ленинграда и Москвы (5–11 апреля 1929 г.). 1929 // Этнография 2, 111–144.